

Увлекательный человек

Когда мы сетуем сегодня на отсутствие режиссера-лидера, подлинного организатора и вдохновителя творческого процесса, когда с горечью осознаем, что вместе с поколением мастеров ушло из нашего театрального искусства нечто большее, нежели просто театр — часть нашей души, нашего мироощущения, я вспоминаю одно имя:

Андрей Борисов.

Конечно, не единственный. Но для меня — несомненно первый в, честно говоря, не слишком богатом списке сегодняшних режиссеров, которые сознательно и неустанно строят свой театр.

А театр Андрея Борисова не похож ни на какой другой. Несколько лет назад, в одном из интервью, режиссер точно сформулировал то, чем, в сущности, занимался с первых лет своего творчества в Якутском национальном драматическом театре, носящем имя выдающегося просветителя Платона Ойунского: «Обрывать связи со своим народом и создавать вторичный европеизированный коллектив с плохо понятным Станиславским или Брехтом — это значит заведомо обречь себя и всех артистов на пошлое пустое элигонство, всегда тащиться в хвосте. Надо любить свой народ, его историю, его культуру и вместе с этим знанием смело идти вперед, занимая именно свое, ничем не заменимое место в экологической и культурной нише мирового содружества народов». Тогда — да и позже — Борисова упрекали в том, что театр Олонхо, которым он так горячо увлечен, для всех зрителей вне Якутии будет восприниматься лишь как экзотика. Но для режиссера понятие «Олонхо» отнюдь не сводится лишь к сценическому отображению национального эпоса — символика Олонхо, его неповторимое мироощущение и мировосприятие пронизывают спектакли, по сюжету к национальному эпосу отношения не имеющие, но по тематике, несомненно, принадлежащие миру.

«Желанный голубой берег мой» по повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» и шекспировский «Король Лир» — ярчайшие тому свидетельства.

Андрей Борисов умеет сочетать национальное и космическое, берущее исток в языческих ритуалах и восходящее к христианству, рожденное на земле и воспаряющее к небесам. Каждый его спектакль вызывает к нашим чувствам и мыслям — самым, казалось бы, простым. А еще — его спектакли обязательно вызывают к пробуждению интуиции, ей режиссер придает совершенно особое значение: значительная часть решений спектаклей, если верить рассказам Борисова, родилась в тот момент, когда интуиция внезапно получала толчок извне. Иногда — мощный. Иногда — еле различимый.

Случай и судьба вели Борисова, но, думается, не будь у режиссера жестко осознанной программы, не смогли бы они стать такими, какими стали. Живыми и страстными. Обращенными к разным людям. Приобщающими к тайне жизни и смерти.

Именно такое чувство приобщения возникло на спектакле «Куданга Великий», поставленном по фрагменту эпоса, в обработке П. Ойунского, и включающем в ткань повествование о жизни и смерти самого Ойунского. Никогда уже не забыть этого потрясения — прошло много лет, а спектакль помнится отчетливо, словно увиденный вчера. Многие ли из сегодняшних спектаклей обладают столь мощным магнетическим полем, попав в него однажды, застреваешь в нем навсегда?

Вот уже одиннадцатый год Андрей Борисов несет на своих плечах нелегкое бремя министра культуры Республики Саха-Якутия, но это не мешает (или только на сторонний взгляд так кажется?) ему ставить свои удивительные спектакли. И не только в Якутском национальном театре, но и в Русском театре Якутии, где идет замечательный спектакль «Одиссея инока Якутского», и в Москве, в Художественном театре имени М. Горького, где вскоре должен появиться «Гамлет».

Что ж, наверное, именно таким и должен быть настоящий лидер. Особенно — в наше время, когда понятие «лидерства» становится все более и более относительным.

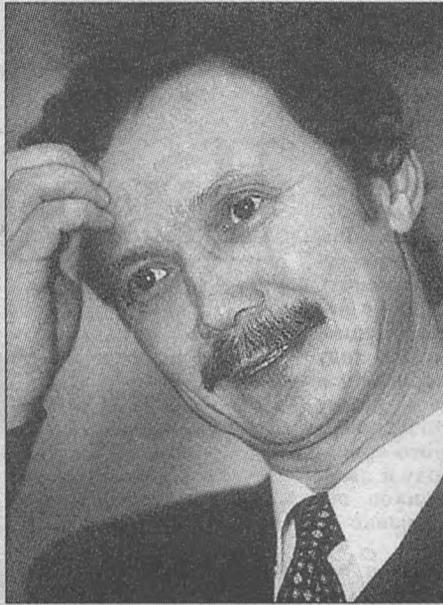
28 ноября Андрею Борисову исполняется 50 лет. Он энергичен, полон планов, вдохновения, как будто ему ровно половина. Его великодушные артисты, тот выпуск Щепинского училища, с которым некогда Борисов ставил «Желанный голубой берег мой», постепенно подошли к той же возрастной черте. Но они по-прежнему готовы поражать нас, завораживая, увлекая в какие-то неведомые миры. Наверное, потому что тогда, в самом начале, Андрей Борисов шепнул им какую-то тайну, и с той поры она стала для них общей.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

29 ноября в Саха академическом театре имени П. Ойунского начинается декада-фестиваль спектаклей юбилея Андрея Борисова — творческий отчет, как говорили еще недавно. На открытии покажут легендарный «Желанный, голубой берег мой», сделавший и театр, и режиссера знаменитыми на весь мир. В программе — «Женитьба» и «Король Лир» («Берег» и «Лир» получили Госпремии в 1986 и 1999 годах), «Споткнувшийся» и «Свободы жаркий день», «Николай Дорогунов — дитя человеческое» и «Сон шамана», «Борис Годунов» в Театре оперы и балета, «Одиссея инока Якутского» в Русской драме. В рамках фестиваля можно будет увидеть последнюю премьеру Борисова «Кыыс Дэбилийэ» («Девушка-богатырь») по якутскому эпосу Олонхо.

Спектаклей Андрея Борисова остро не хватало на Театральной Олимпиаде. В спорах об истоках и корнях, о взаимоотношениях Запада и Востока, христианстве и язычестве, о сакральном и профессиональном, его работы — мощный аргумент. Так же и в полифонии голосов тувинских, алтайских, бурятских артистов, демонстрирующих искусство горлового пения в Васильевском Центре на Срепенке, не хватало голоса Степаниды Борисовой (кто хоть раз ее слышал — не забудет никогда). Режиссер не любит разговоров о национальной самобытности. В интервью «ЭС» пару лет назад он говорил, что его мечта поставить Олонхо так, чтобы каждый увидел в нем судьбу своего народа.

Он построил Театр, он поставил Олонхо. Он ухитряется совмещать художественное руководство с обязанностями министра культуры Якутии. И остается талантливым режиссером и увлекательным человеком. «ЭС» поздравляет Андрея Саввича с юбилеем.

Не помню, когда мы познакомились. Давно. Видела не так много его спектаклей — и десятка не наберется. Встречались редко, с перерывами в несколько лет. Однажды была у него в доме, и до сих пор перед глазами книжные стеллажи, а на одной полке читанный-перезачитанный черный марковский четырехтомник. Расстроилась, когда узнала, что он стал министром культуры. Почти утешилась, когда поняла, что спектаклей ставить не перестал. До сих пор не выучила его отчества.

Борисов обаятелен. Он потрясающий рассказчик, душа компании и дамский угодник. Но то ощущение нежности и родства, которое вызывает во мне его имя, идет все-таки от другого. Подозреваю, что будь он груб, горбат и одноглаз, это почти не повлияло бы на мое к нему отношение. И вот почему.

Шесть лет назад в Якутске на республиканском театральном фестивале «Сага-95» вместе со своей коллегой сидела я на борисовском спектакле «Николай Дорогунов — дитя человеческое». Где-то в середине второго акта к ужасу своему поняла, что собираюсь заплакать. Стало стыдно. Попробовала продышаться. Не помогло. Покосилась на коллегу и увидела, как она, не отрывая глаз от сцены, роняет слезы из-под очков. Стыд ушел и вернулся, только когда в зале зажегся свет. Мы с коллегой прикрыли лица программками и отправились умываться. В туалете старая женщина протирала пол шваброй. Посмотрела на нас и спросила: «Наревелись?» Мы закивали, говорить было еще тяжело. «Плачьте. Ведь как хорошо. Я-то, наверное, спектаклей пятнадцать плакала, а теперь уж привыкла».

В «Дорогунове» Борисов по обыкновению рассказывал историю о человеке с детской душой, вписанную в таинство мироздания. Герой этого спектакля бродил по своим крошечным делам, по огромным просторам под фантастически плотным и бесконечным небом, отогревался любовью на маленьком домашнем острове и уходил в смерть сквозь строй фантомных якутских богатырей, сопровождавших его в иную реальность.

Что бы ни ставил Борисов — Ойунского, Айтматова, Чехова, Брехта или Шекспира, как ни менялись бы темы его спектаклей, неизменным всегда оставалось одно. Все его сценические персонажи не просто вписаны в жизненный круг, но достраивают его своими судьбами. Как и Някросшо, тоже ученик Андрея Гончарова, Борисов принадлежит к немногочисленной плеяде режиссеров-демуургов.

Но плакали на «Дорогунове» мы вот почему. Только тогда я увидела на сцене (не в эпизоде, не в массовке, не за кулисами — уже были знакомы) жену Андрея, Степаниду Борисову. Именно она появилась в середине второго акта. В строгом рисунке роли Степанида играла женщину,ждавшуюся любви и потерявшую любимого. Сдержанная мимика, четкая пластика. А между тем происходило что-то странное. Подлинность счастья и беды, переживаемых ею, обрушивалась на нас первозданной языческой стихией и требовала такой мощной ответной духовной затраты. И только тогда с помощью Степаниды в моем воображении достроился мир борисовского театра с его, уж простите мне, театроведке, термин, художественной и человеческой пассионарностью.

Наверняка Борисов не ангел, что было бы противостественно. Но только очень хороший человек мог привезти в Москву, на юбилейный фестиваль учителя Гончарова премьеру своего «Лира», поставленного на потрясающего артиста Ефима Степанова. Как-то сволочи избили Фиму на улице в Якутске, он еле выжил, с трудом восстанавливая память, он боялся, что никогда не сможет больше играть. Его неуверенность нужно было сломить. И Борисов, уже в Москве доводивший генеральные репетиции, рискнул провалом. Я помню, как волновалась труппа за кулисами театра имени Маяковского, помню, как в зрительном зале все, кто любил этот якутский театр и знал Фимину историю, держали кулаки во время действия. А потом отчетливо вспоминаю сияющее лицо Фимы и Андрюшу, счастливо-го прежде всего Фиминой победой.

Как хорошо, что есть удивительная страна Саха, где живут талантливые театральные люди. Как плохо, что эта страна так далеко, потому что не удастся попасть мне на Андрюшин праздник. Впрочем, Бог с ним, с праздником. А вот без Борисовских спектаклей, без его артистов, без его улыбки жизнь почему-то становится беднее.

Анна СТЕПАНОВА

Елена ПОКОРСКАЯ

Борисов Андрей (Юбилей)